
РОССИЯ В МИРЕ И МИР В РОССИИ

Изменяющийся мир России: ресурсы, сети, места¹

О.Н. ЯНИЦКИЙ

Глобализация, в которую вовлекается Россия, означает изменение содержания и смысла таких ключевых теоретических понятий как ресурс, сеть и экосистема. В статье рассматриваются теоретические и практически-политические вопросы реструктуризации социально-освоенного пространства в ходе взаимодействия системы «властобственности» и глобального сетевого гражданского общества.

Ключевые слова: глобализация, гражданское общество, локальное знание, места, релятивность, ресурсы, рынок, сети, экосистема, Россия

Постановка вопроса

Сегодня мир в большей степени разделяется на тех, кто живет, свободно перемещаясь во времени, и тех, кто вынужден жить в пространстве, то есть оставаться привязанным к «месту» (месту работы, городу, селу, жилищу, шести соткам, реке, лесу, природной экосистеме). Как пишет Зигмунт Бауман, «последняя четверть XX столетия, весьма вероятно, войдет в историю под названием “Великой войны за независимость от пространства”. В ходе этой войны происходило последовательное и неумолимое освобождение центров принятия решений (а также расчетов, на основе которых центры принимают решения) от территориальных ограничений, связанных с привязкой к определенной местности» [Бауман 2004, с. 18]. Обозначенная схема представляет собой новую макроэкологию мира, в которую втягивается и Россия. Всепроникающий и унифицирующий поток ресурсов (денег, товаров, людей, информации) и зависимых от них сетей власти и влияния *против* ресурсов не менее важных, но отличных от первых своим разнообразием и привязанностью к «месту» (полезные ископаемые, реки, моря, культурные ландшафты и сросшиеся с ними человеческие сообщества), которые своей взаимозависимой стабильностью поддерживают биосферу и живущего ею человека в относительном равновесии, – ключевой социальный конфликт современности и одна из главных проблем политики эпохи глобализации.

¹ Статья написана в рамках проекта «Природоохранные сети России: структура, функции, человеческий капитал», поддержанного РФФИ, грант № 09-06-00061а.

В статье сделана попытка гуманитарного подхода к проблеме взаимодействия ресурсов и сетей, к пониманию их роли в развитии человека, его культуры, его базовых прав и свобод. Сети и ресурсы имеют двойственную природу: они способствуют как наращиванию потенциала развития человека и расширению границы его свободы, так и ограничивают их. В последнем случае сети становятся цепями, а ресурсы – балластом, который тянет вниз, или болотом, в котором можно увязнуть и утонуть. Но и это не все. В действительности в жизни общества и отдельного человека всегда есть триада условий их жизнеобеспечения: ресурсы, сети и обжитые, то есть социально упорядоченные и культурно специфические места. Человек, привязанный к определенному месту и лишенный возможности свободно включаться в сети общения (реальные или виртуальные), фактически лишен социальности и возможностей развития. И в этом контексте «Архипелаг ГУЛАГ» является архетипом подобной ситуации. Однако и кочевник, постоянно перемещающийся в пространстве (физическом или виртуальном) и не укорененный в каком-то месте, теряет свою идентичность, а, следовательно, «освобождается» от социальности, понимаемой как совокупность гражданских прав и обязанностей по отношению к конкретному сообществу людей или природной экосистеме. Иллюзия абсолютной свободы угнетает кочевника, начинается поиск «места», пристанища, в результате которого такой человек вынужден решать непосильную для себя задачу «укоренения» в сетях «текучей модернити» [Бауман, 2008]. Архетип второй ситуации выглядит как «утопия» в ее изначальном смысле: «место, которого в действительности нет». Тот же автор сформулировал основную социальную проблему современного общества: богатое меньшинство с их капиталами, живущее и функционирующее в пространстве, то есть свободно перемещающееся по миру, *против* бедного большинства, живущего и работающего в физически или социально-экономически ограниченных пространствах, то есть вынужденно привязанного к месту и, значит, к его скудным или вовсе исчерпанным ресурсам (жители умирающих российских моно-городов). Наконец, есть еще одна «маленькая» проблема: капиталы, рабочая сила, знания и информация мобильны, а биосфера с ее недрами, лесами, реками, морями и океанами – тоже «движется», но совсем по другим законам. Сегодня в реальности и, значит, в теории сети, ресурсы и места – взаимосвязанные процессы, которые должны быть отражены в системе понятий.

Релятивность понятия ресурс

Попробуем для начала разобраться с понятием ресурса как общественного блага, определив социальную значимость (ценность) ресурса. Все декларации о том, что «Россия чрезвычайно богата ресурсами», рассчитаны, в первую очередь, на телезрителей. Правомерен вопрос: какими именно ресурсами: природными, интеллектуальными, инфраструктурными и т.д.? И к какой категории они относятся: готовым к использованию или к тем, которые еще необходимо производить или добывать?

В данной статье, как и во всех своих предыдущих работах, я придерживаюсь средового (*environmental*) или контекстуального подхода. Ресурс сам по

себе – всего лишь абстракция, без «восхождения от абстрактного к конкретному», то есть к конкретным условиям и формам его воспроизводства, включая распределение и потребление конечного продукта, ресурс – это «вещь в себе». Только рассматривая ресурсы в системе национальных приоритетов и глобальных отношений, позволительно говорить об их ценности как таковой. Но для кого и какой ценности? Можно утверждать только об *относительной*, постоянно меняющейся ценности, и для этого достаточно взглянуть, как трансформируется глобальный рынок в зависимости от показателей спроса-предложения в США или любой другой стране развитого мира. Но есть масса и других факторов, определяющих рыночную стоимость ресурса сегодня: наличие запасов у той или другой страны, картельные или иные соглашения, геополитические, военные и иные конфликты, а главное – стратегии рыночных игроков, которые могут, исходя из своих долгосрочных интересов, существенно понижать или повышать стоимость того или иного ресурса. Далее – потенциальное наличие у страны определенного ресурса, например, нефти, также ничего не означает без знания технологии его добычи и транспортировки. В принципе, обозначенный ресурс наличествует, но в реальности его нет и может не быть в ближайшем будущем хотя бы потому, что никто не знает, какое количество этого ресурса будет утрачено при добыче и транспортировке. Ресурс без соотнесения с рынком остается «вещью в себе»; и поэтому так важны рынок фьючерсов и другие формы «торговли будущим». Другая сторона того же вопроса: научно-техническая и логистическая – кто, где и когда разовьет не опытные, а рыночно приемлемые технологии производства и доставки энергии от альтернативных источников.

В этой связи можно сделать, по крайней мере, *пять* выводов. *Первый*: стоимость любого ресурса есть функция постоянно меняющегося рынка. Так, сегодня Китай стремится скупать самые разнообразные ресурсы, причем как наличные, так и те, которые будут разработаны в будущем. Подтверждением этому служит предоставление Китаем кредита России в обмен на поставку нефти в течение многих лет по фиксированной цене. *Второй*: сам по себе этот рынок есть функция сложных геополитических отношений и планов глобальных игроков. *Третий*: производство ресурса как конечного продукта (потребительной стоимости) зависит от множества других политик: научной, жилищной, коммунальной, транспортной и т.д. [см., например, Obama's Plan... 2009]. *Четвертый и очень важный*: неопределенность в готовности населения вносить свой вклад в политику энергосбережения, развития индустрии альтернативных источников энергии и т.п. И, наконец, *пятый*: стоимость ресурса, включая его потребительную стоимость, есть функция геополитических стратегий международных корпораций и государств, выражающих собственные долговременные геополитические интересы. Отсюда следует, что «ресурс» есть производная геополитики, и, следовательно, определение ресурса как фиксированного «общего блага» всего лишь утопия. Об этом еще в начале XX века заявлял создатель геополитики Г. Макиндер [Mackinder 1919].

Но это все был взгляд «с птичьего полета», то есть с точки зрения глобальных рыночных игроков, и те, от кого зависит энергообеспечение населения, уже давно являются таковыми. Значит, колебания рынка плюс ничем не ограниченный рост appetites рыночных игроков (они же «естественные монополии», кста-

ти, интересно, кто научно обосновал правомерность этой концепции?) всегда, как показывают цифры последнего десятилетия, ведут к росту потребительских цен, транспортных и коммунальных тарифов. При этом разрыв (по степени сложности, количеству переменных и непредсказуемости appetites этих монополий, наличию коррупционной составляющей, «откатам» и другим, не поддающимся рациональному исчислению параметрам) между реальным процессом формирования цен и способностью восприятия этого механизма отдельными людьми настолько велик, что население воспринимает очередное повышение тарифов как стихийное бедствие. Никакого рационального объяснения здесь быть не может, и население прекрасно осознает, что «естественные монополии» следуют лишь собственным интересам.

Сегодня внутри властвующей элиты наблюдается конкуренция идеологием: модернизация («Россия, вперед!») vs. консерватизм как идеология правящей партии. Это отражает раскол общества на меньшинство, осознающее необходимость срочной (скорее всего, мобилизационного типа) модернизации, и большинство, состоящее из части той же элиты и обслуживающего ее сервис-класса в широком понимании этого термина (включая и интеллектуалов, и шоу-бизнес, и часть силовых структур), не желающее что-либо менять...

Период после распада СССР представляется некоторым аналитикам как естественный «сброс балласта», то есть ресурсов, которые были расценены правящей элитой как отходы: «лишние» территории, «лишние» наука и система пропаганды научных знаний, разрушение целых отраслей промышленности, отказ от любых форм самоуправления снизу и независимой общественной активности, сокращение (направленное или самостоятельное) наиболее образованной и инициативной части населения, в результате чего почти вся наша перспективная наука оказалась за рубежом. Население страны сокращалось каждый год почти на 1 млн человек. Государство и общество в целом стали более «простыми», жестко организованными и потому менее устойчивыми. Но и этого мало: оказалось, что можно купить себе право не соблюдать все эти законы, подзаконные акты и многочисленные коды (инструкции). Иными словами, те ресурсы, которые еще вчера были в цене, сегодня стали «отходами» и балластом.

Наконец, процесс приватизации (путем ваучеризации) также означал силовой передел цены наличных ресурсов: сначала посредством банкротств они были обесценены, затем по дешевке скуплены и только потом снова резко возросли в цене.

Какое знание является ресурсом?

Знание является важнейшим ресурсом, которое вырабатывается наукой, распространяется по сетям и осваивается людьми и организациями, в результате чего мир становится «экологичнее», – это все общепризнанные представления. Какое знание *именно?* – вот ключевой вопрос. Все, о чем речь шла выше, это знание вертикального порядка: наука изучает, «простые» люди обучаются, экологическое знание становится регулятором их культуры, то есть фиксируется просветитель-

ская, фактически директивная модель взаимодействия науки и общества, потому что последнее числится несмышленишем и незнайкой. Такая модель отношений «наука–общество» называется дефицитной.

Но, во-первых, научных теорий много. Во-вторых, то, что думают ученые в своем кругу, и то, что они пропагандируют или чему обучают, далеко не одно и то же. В-третьих, как недавно продемонстрировал климатический саммит в Копенгагене (2009), наука зависима от рынка, бизнеса и корпоративных интересов. В-четвертых, и это главное, местные сообщества имеют свою точку зрения на конкретную проблему или конфликт, скажем, на общеизвестную проблему парникового эффекта или цены на бензин и дизельное топливо [Irwin and Wynne 1996]. Поэтому «рациональность» мнений и решений «местных» скорее следует квалифицировать как культурную [Яницкий 2006].

Маленькое отступление. В последнее десятилетие социологи были увлечены конструктивистским подходом к пониманию социальной реальности, что по существу является обобщенной формой просвещенческой парадигмы отношения «наука–общество». Но что нас ждет через 5–10 лет, когда Китай, Индия и Бразилия, а за ними и Россия, окончательно встанут на путь достижения европейского стандарта потребления? Тем самым эти миллиардные «локальные» сообщества вызовут в недалеком будущем гигантский дефицит наличных ресурсов, следовательно, рост их цены, для снижения которой потребуются гигантские научные и технологические инновации, переобучение (а может быть, наоборот, отказ от него) миллионов людей по всему свету, возникнут зоны новых геополитических конфликтов и т.д. Но с другой стороны, со стандартом потребления связан стандарт качества жизни, включающий в себя и образование. При наших далеко не европейских стандартах в России в 2009 г. насчитывалось слишком много обучавшихся при дефиците обучающихся, то есть ограниченности «образовательного ресурса» [Иноземцев 2009, С. А04]. Я. Кузьминов считает, что через год или два «значительная часть технологических, педагогических, аграрных вузов останется без студентов, даже бюджетных» [Кузьминов 2009, С. А04]. Что же будет, если Россия все же втянется в гонку за европейскими стандартами? Вот какова цена недооценки релятивности понятия «ресурс».

Но вернемся к проблеме локального знания. В литературе по социологии и социальной антропологии локальное знание с точки зрения его онтологического статуса трактуется как знание непрофессионалов, «людей улицы» (laypersons), которые имеют право быть услышанными: это знание должно быть учтено при принятии экологических решений – от отдельно взятого места до мира в целом [Beck 1992; Irwin 2001]. Для определения степени приближения процесса трансляции этого знания «наверх» к идеалу демократического участия были разработаны соответствующие шкалы [Burstein, Einwohner, Hollander 1996]. Иными словами, локальное знание интерпретировалось как уже данное, устоявшееся и в этом смысле стоящее ближе к традиции или «укладу», чем к научному знанию как таковому. Противоположная точка зрения заключается в том, что в условиях глобализации такого знания, строго говоря, не существует – оно всегда ситуативно, то есть всякий раз задается «пересечением» глобальных сил (потоков) в определенном «месте», а завтра устоявшаяся ситуация может измениться кардинальным образом.

Итак, каков бы ни был территориальный масштаб сообщества, локальное знание невозможно определить только как традиционное (результат ментальной кристаллизации многолетней повседневной практики населения в определенных природно-географических условиях) или только как ситуативное, то есть не поддающееся рациональному исчислению, – оно постоянно и сохраняется (воспроизводится), и изменяется под воздействием многих сил как локальных, так и глобальных. Практически это означает, что локальное знание вырабатывается в результате взаимодействия потоков и мест, имеет сложную «процессуальную» структуру и должно использоваться в местном планировании. Оно сдвигает научную базу принятия решений от ситуации *in vitro* к ситуации *in vivo*, демократизирует их процедуры, оно экономически дешевле и способствует смягчению несправедливого распределения средовых рисков в регионах и на местах.

Локальное знание не просто «совокупная информация», оно представляет собой процесс формирования смыслов в конкретном локальном контексте. Почти 100 лет назад Владимир Вернадский писал, что насильственная политика в национальном вопросе в значительной мере «поддерживалась недостаточным знанием и недостаточной осведомленностью русского общества и правительства о *местной жизни*, местных особенностях и национальной жизни составляющих Россию народностей. Именно здесь лучшим спаивающим средством и лучшим источником единения является возможно широкое и возможно полное *знание и связанное с ним понимание*... Усиление научной работы, связанной с местной или национальной жизнью, позволяет использовать духовные силы народа так сильно, как никогда не удастся их организовать в унитарной централистической организации. Местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе не доступные к возбуждению» [Вернадский 1995, с. 248; выделено мною – О. Яницкий]. Как сказал современный российский учёный, нацию создает резонанс «почвы» и «метафизики».

Иными словами, местное население, его сообщества и инициативные группы должны рассматриваться как социальный актор, участвующий в процессе выработки знания о «месте» и для «места», в формировании культуры «места», и сверх того – как партнер высокой науки в процессе научного производства. Это означает, что местное население является носителем культуры и обладает знаниями и ноу-хау, значимыми для разработки научных доктрин и практических рекомендаций. Методологически данное утверждение соответствует базовому принципу социологии социального знания: «следуй за актором» [Irwin 2001, с. 96]. На примере анализа экологических дебатов в России за последние 100 лет я показал, что они имели место даже в годы большого террора, но «прорыв» к новому всегда сопровождался «откатом» и ужесточением властной вертикали [Yanitsky, 2009]. Поэтому ошибочно трактовать экологические страхи и озабоченность местного населения как «эмоции», «ложное восприятие» или как феномен толпы, «митинговщины». На самом деле они представляют собой важный источник познания социального мира, в котором мы живем. В частности, изучение этих эмоций позволяет понять местные конструкции смыслов повседневной жизни, особенно, когда они формируются в отчужденном и даже враждебном контексте [Yanitsky 1999].

В более узком смысле локальное знание является реакцией стремящегося к самосохранению местного населения на утилитаристскую (потребительскую) тенденцию современной модернизации, скажем, в форме ресурсосберегающих технологий (неистощительного, щадящего земледелия или др.). Когда господствует принцип «коллективной безответственности» (У. Бек), население, привязанное к «месту», вынуждено само выступать адвокатом среды своего жизнеобеспечения и ее безопасности. Но чтобы его голос был услышан, населению необходимо либо объединяться в гражданские инициативы и общественные движения, либо вступать во взаимодействие с уже действующими экологическими и другими общественными организациями как профессиональными, так и образованных по этническому принципу, например, объединениями коренных народов [Olsen 2005]. Следовательно, правомочно позиционировать социальные инициативы и общественные движения как важнейший механизм производства локального, в том числе социально-экологического, знания.

Ресурсы, сети, экосистемы

Ресурсы, сети, экосистемы – понятия взаимосвязанные. Для транспортировки, переработки, обмена, продажи ресурсов необходимо наличие сетей. Добыча и производство ресурсов создают инфраструктуру и человеческие поселения, изменяющие природные экосистемы, последние, в свою очередь, теряют собственные натуральные качества, то есть естественные ресурсы, и их приходится производить искусственным путем или добывать в другом месте, для чего требуются уже иные ресурсы и связывающие их сети. Второй принципиальный пункт: появление ресурсов общих и частных (сначала родовых или общинных), ресурсов явных и скрытых. Аналогичные процессы происходят и с сетями, при этом наличие тайных сетей обмена ресурсами и информацией само стало ценнейшим ресурсом. Третий не менее важный фактор: на определенном историческом этапе сети производства и обмена информацией, открытой и тайной, трансформировались в общественный институт.

Говоря о взаимосвязи этих процессов с природой и территорией, следует отметить, что исторически производство необходимых человеку ресурсов, их переработка и потребление сначала дислоцировались в одном или нескольких близко расположенных местах. Но с течением времени значение торговых сетей и другие связанных с ними обменных процессов возросло, и рынок превратился в центральный институт обмена вещественными и информационными ресурсами. Расширяясь, рынок постоянно производил оценку и переоценку отдельных территорий и даже целых континентов: отдельные местности, города и даже целые страны начали специализироваться на производстве одного или нескольких типов ресурсов. Конкуренция за ресурсы и территории стала одной из целей государственной политики, превратившись позднее в основу для возникновения геополитических интересов: сначала – местных, затем региональных, а когда выяснилось, что земной шар имеет свои пределы, и глобальных. Сегодня борьба за мировое господство переместилась в космос, точнее, в биосферу.

В течение последних 100 лет произошли *два* важнейших события. Первое: места добычи ресурсов, изготовление конечного продукта, их потребление и управление всей этой «машиной жизни» окончательно стали независимыми друг от друга. Расстояние между скважиной и бензоколонкой больше не имеет значения, произошла так называемая *инверсия пространства*. Второе событие характеризуется формированием финансово-экономического рынка, существующего самостоятельно вне зависимости от конкретной территории и от конечного потребителя. Основой этого рынка были и остаются сети электронных торгов; именно они сегодня управляют глобальной «машиной жизни» на Земле. Именно вследствие недостаточно изученных пока наукой механизмов функционирования этой «машины» одни люди, корпорации и целые государства вмиг становятся на порядок богаче и сильнее, а другие теряют почти все. Можно утверждать, что доступ к е сетям тождествен доступу к глобальным рычагам власти и влияния.

Что же было достигнуто в результате этих и многих других процессов? Я уже неоднократно писал, что за 20 лет сформировалась *качественно иная экосистема*, отличная от той, которой являлись Советский Союз и его ближайшие и далекие сателлиты.

Под экибиосоциотехнической системой (далее для краткости, экосистемой) я понимаю связь (сеть) жизненно важных центров страны между собой и с окружающими природным и социальным ландшафтами («центры» – это узлы (*nodes*) или ландшафты, где накапливаются, воспроизводятся, перерабатываются и откуда распространяются по сетям жизненно важные для существования экосистемы ресурсы). Экосистема – это всегда нечто отдельное, относительно самодостаточное, но встроенное через прямые и обратные ресурсные потоки в остальной мир. Такая экосистема (макросистема) может быть традиционной или современной, стабильной или находящейся в процессе трансформации («переходной»), способной к модернизации или подверженной стагнации т.д. Но главное в ней определяют ее обособленность от окружающего мира и способность устойчиво воспроизводить себя длительное время. Обычно такую экосистему отождествляют с государством, но в действительности она гораздо шире, потому что ее финансовые, ресурсные и информационные связи простираются гораздо дальше государственных границ. Конечно, существуют качественно различные экосистемы: максимально встроенные, включенные в ресурсные потоки мира государства (Китай) и предельно изолированные страны (Северная Корея).

Экосистема может быть асимметричной, однобокой: в европейские ресурсные сети мы включаемся одним образом, в азиатские – другим; она может расширяться мирным путем или посредством военной экспансии. Так или иначе, основными ядрами экосистемы остаются человек (малая группа), организация (НПО или корпорация), государство или же надгосударственные организации. Основным условием существования экосистемы предполагается наличие ресурсов – территорий, природных богатств и людей – носителей знаний и умений – и, главное, *сетей*, связывающих их воедино.

Движимые любопытством, жадной знаний или обогащения, человек или государство на протяжении веков пытались отстаивать свои интересы далеко за пределами границ своих территорий. В этом смысле глобализация – историче-

ски давно известный социально-экономический феномен, и эпоха Великих географических открытий достаточное тому подтверждение. Читатель уже заметил, насколько далеко в этом понимании экосистемности я ушел от ее традиционной интерпретации, принятой основателями Чикагской школы экологии человека в 20–40-х гг. прошлого века.

В чем преимущество экосистемного подхода? В социальной и экономической истории, да и в современной дипломатии, речь обычно ограничивается анализом отношений стран и народов (господства и подчинения, переговоров, принятия конституций и деклараций, и т.д.), то есть так называемого *relational approach*, строящего и классифицирующего их различные конфигурации (графы). Мы же стараемся обратить внимание на реальную механику этих отношений в ее территориальных, ресурсных и коммуникативных составляющих, причем, не только на официальные действия государств и правительств, но и на ту роль, которую играют в становлении и разрушении экосистем другие, возможно, менее видные, но гораздо более действенные акторы. Как справедливо отмечают авторы «актор-сеть» (*actor-network*) теории, акторами могут быть люди, организации, знания, события и т.д., которые, взаимодействуя, также могут производить смыслы (*meanings*) [White 2003]. Я не открыл Америки: все это по отдельности изучается, однако мне представляется, что экосистемный подход, как он здесь понимается, может дать более глубокую и всеобъемлющую картину механики становления глобального мира.

Относительная стабильность современной российской системы «власть–гражданское общество» основывается на условиях общественного договора: «мы, власть, даем большинству минимально обеспеченную жизнь при условии выполнения множества налагаемых свыше правил и соблюдения ограничений, меньшинству – хорошо обеспеченную жизнь и никаких ограничений, кроме тех, которые они устанавливают себе сами, а также жизнь тем и другим – в обмен на политическую лояльность к высшей власти».

«Эффект бумеранга» и трансформация пространства

Понятие «бумеранга» было введено в социологию в 1992 г. У. Беком: при отсутствии поддержки людей и обслуживания должным образом инфраструктуры, они начинают разрушаться, выделяя *энергию распада* в виде потоков мигрантов, вынужденных переселенцев, приводят к увеличению количества аварий и техногенных катастроф. В последующем эта энергия оседает на местах, *трансформируясь* в социально-территориальные общности и потоки в «теле» существовавшей социально-экологической организации, неоднозначно воздействуя на нее. В одних случаях складываются этнонациональные общности, вытесняющие или конфликтующие с местными сообществами за ресурсы и власть, в других – приезжие становятся основой криминальных структур, искусственно поддерживающих криминальную обстановку, наркотрафик, нелегальную торговлю товарами и людьми, в третьих – превращаются в постоянные анклав культуры и образа жизни, в четвертых – проникают в местные и региональные органы власти, устанавливая

свои правила игры и т.д. В итоге усиливается конфликт между коренными и пришлыми сообществами, и как следствие – возрастают роль и численность служб МЧС и увеличивается их потребность в разнообразных ресурсах. Общая закономерность сводится к следующему: чем медленнее проводится модернизация не только в сфере производства или армии, но и в политической сфере, тем больше ресурсов требует МЧС и тем многочисленнее становятся его функции.

Сильнее или слабее?

Сильнее или слабее новая экосистема прежней – ответ на этот вопрос зависит от того, как мы понимаем ее устойчивость. Типичные ответы на этот вопрос приводятся ниже:

- 1) сохранение целостности государства прежде всего через поддержание на должном уровне силовых структур;
- 2) сохранение управляемости, то есть властной вертикали;
- 3) стабильность, то есть система мер, препятствующих возникновению массовых протестов;
- 4) модернизация, то есть техническое перевооружение;
- 5) способность реагировать на геополитические вызовы.

Этот ряд можно продолжить, но возникает вопрос: причем здесь ресурсы и сети?

Учитывая сокращение территории и, следовательно, приближение к нашим границам ЕС и других геополитических гигантов, снижение интеллектуального потенциала, перманентное появление кризисных точек (аварий, катастроф, этнополитических и других конфликтов), критическое состояние армии и других силовых структур, преобладание форм «ручного управления» во время кризиса, можно заключить, что новая экосистема слабее прежней. Но *что* именно в нашем случае можно считать собственно экосистемой?

Представляется, что экосистемой в данном случае можно признать *спайку «власть–собственность»*, приватизировавшую основную часть ресурсов, жизненно необходимых для воспроизводства ее населения, поддержания безопасности, модернизации. При этом данная экосистема сбросила с себя груз ответственности и помощи своим сателлитам и бывшим союзным республикам; она также отказалась от ответственности за общество, его сохранение и развитие. Г.Г. Дилигенский еще во времена советской социологии ввел разделение на потребности физического и социального существования. Сегодня государство, обеспечивая по минимуму потребности физического существования большинству населения (и то не всем, примером тому могут служить обманутые дольщики, бомжи, дети-беспризорники), о потребностях социального существования практически не задумается и ресурсы на это не выделяет. Такова навязанная государством большинству форма общественного договора. Более того, монетизируя форму обеспечения этого большинства, государство сняло с себя ответственность за контроль над движением этих ресурсов, не говоря уже о практическом отсутствии общественных

фондов потребления. «Да, деньги мы вам выписали, а вот получили ли вы их и есть ли в наличии нужные вам лекарства – это ваши проблемы» – такова этическая норма монетизированных отношений государства и гражданского общества. По данному критерию внутренней интегрированности эта спайка становится все сильнее, а гражданское общество еще слабее.

Выше обозначенная форма общественного договора (лояльность населения властным структурам в обмен на его минимальное материальное обеспечение) фактически отделяет власть от общества. Точнее, власть создает вокруг себя нужное ей сообщество, которое ее обслуживает и защищает. Это сообщество живет по совсем иным законам, нежели большинство населения. Этот слой представителей обслуживания и защиты очень трудно определить, поскольку он весь построен на внутренних законах этого сообщества, не имеющих ничего общего с законами писанными. Оно спаяно круговой порукой, взаимным компроматом, общей вовлеченностью в криминальные дела, коррупцией, закрытыми клубами, торговлей оружием и взрывчаткой, которые (ирония этого общества) спрятаны не у нее, а в недрах гражданского общества, которое до часа «икс» (взрыв, теракт) не имеет об этом ни малейшего представления. Члены этой спайки прячутся среди обычных людей, но именно последние в первую очередь страдают, когда одна из группировок начинает уничтожать другую.

Единственная слабость этой спайки заключается в ее закрытости. Но если принять во внимание ее возможные глобальные масштабы, что же тогда подразумевается под «закрытостью»? Могут обратить внимание читателя только на очевидное: за последние 20 лет наша страна превратилась в страну заборов. Причем, от заборов, выстроенных вокруг частных коттеджей и владений, до тысячекилометровых, тянувшихся вдоль труб и других важных для государства ресурсных потоков. Но есть более важные потоки – *потоки денег*, все остальное может быть конвертировано или в нефть, газ, другие природные ресурсы или преобразовано в потоки трудовых ресурсов, в лояльность своих или политическую поддержку сторонних. Общий принцип: «деньги любят тишину», а чтобы ее соблюсти, денежные потоки должны быть надежно защищены. Итак, страна превращается в систему автономных и надежно защищенных «ядер», связанных системой ресурсных коридоров.

Но вот проблема: во всяком «заборе» есть уязвимое место, куда могут утекать любые ресурсы (примером тому служат участвовавшие случаи несанкционированной откачки нефти из магистральных трубопроводов). Но хуже другое: спайки «белых» и «серых», войны, разрушающиеся склады с вооружением и боеприпасами, нелегальная торговля оружием и наркотиками, а главное, огромная масса неучтенных денег, перемещающихся по стране, превратили Россию в пороховую бочку, когда рвануть (убить, ограбить, взорвать) может в любом месте.

Власть активно формирует институты, себя воспроизводящие, и, прежде всего, институт кадрового резерва. Если посмотреть хотя бы на часть этого обнародованного списка, то «яйцеголовых» там практически нет. Нет и независимых публичных политиков, то есть можно с достоверностью утверждать, что создан *изолированный* институт формирования номенклатуры, весьма схожий с советским. Я уже не говорю о правящей партии, которая давно представляет собой главный институт воспроизводства стабильности через воспроизводство номенклатуры.

Эта номенклатура также формирует свою сеть знакомых и родственников, а те в свою очередь – сеть знакомых знакомых и т.д. Формируется экология *known people*, то есть сеть изолят.

Но у всей этой зыбкой стабильности есть первоисточник дестабилизации: цена на нефть и газ на мировых рынках, что в принципе прогнозировать невозможно. Очевидно, что мы жили и живем в условиях зависимой стабильности. Интересен тот факт, что Запад сокращает свою зависимость от углеводородов, а мы строим новые нефте- и газопроводы. И это тоже одна из форм укрепления номенклатуры: эти трубы требуют лояльного к власти, увеличивающегося контингента менеджеров, инженеров, строителей, ремонтников и, особенно, охранников, то есть *кочевников*, людей без корней. Армия защитников Отечества еще долго будет находиться в стадии реформирования, а армия защиты корпоративных интересов устойчиво растет и сращивается с этой нефтегазовой элитой.

Очевидно, что нефтегазовая инфраструктура – инструмент обоюдоострый: мы выходим за свои рубежи, проникаем на Запад, он – к нам; мы ставим ему условия, а он произвольно и неожиданно изменяет их, когда это перестает быть ему выгодным. Сегодня мы – энергетическая сверхдержава, а завтра можем остаться лишь ресурсным придатком двух гигантов: Китая и Европейского союза. И эта железная сетевая структура не только развивается гораздо быстрее, чем сети человеческого общения, но и формирует новую экологию страны – экологию труб (*pipe-net*), поскольку к ней привязаны финансовые, материальные и людские потоки, весь строительно-монтажный комплекс, сети поселков и временных жилищ для вахтовиков и т.д. Эта структура формирует кочевой образ жизни людей, обслуживающих эту новую экосистему страны. Существующее территориальное деление России, учитывавшее ранее хоть в малой степени особенности природного ландшафта и связанную с ним жизнь этнонациональных сообществ, значит все меньше по сравнению с новой экологией труб. Попытки экологов создать «эко-нет», то есть систему лесов и ландшафтов, необходимых для воспроизводства всей природной экосистемы страны, остались до сих пор на бумаге.

Существует ряд и чисто геополитических индикаторов изменения страны как экосистемы. Во-первых, произошло резкое усиление государств, ранее входивших в состав СССР. Их давление на политико-экономические и культурно-демографические сферы государственной структуры России требует от правящих кругов предоставления больших ресурсов на поддержание целостности страны. Во-вторых, периферийные области РФ, прежде всего, Кавказ и Дальний Восток, в последнее время превратились в арену потенциальных конфликтов. Продолжительность дестабилизации политической ситуации на Кавказе привела к тому, что не мирный, а ратный труд стал нормой образа жизни значительной части местной молодежи. И это уже источник не энергии распада, о которой шла речь выше, а энергии ненависти, насилия и разрушения: произошло взрывоопасное соединение носителей традиционализма и варварства, оснащенных новейшими видами вооружения и приведшее к ослаблению экосистемности нашего общества.

Еще одна сторона того же процесса: уход старшего поколения, носителя русской культуры XIX–XX вв. – писателей, актеров, независимых публичных фигур. Ситуация представляется тем более серьезной, что исчезают последние трансля-

торы этой высокой культуры в массы – передатчики ценностей, языка, форм общения; уходят просветители и миссионеры, которые осуществляли связь времен и поколений. Эта связь через культуру и ее носители (учебники, хрестоматии, фильмы, лекции, радиопередачи) формировала каркас *культурной экологии* общества XX века. Дополнительный удар по этой связи нанесли навязываемые нам дискуссии о фальсификации истории. Я согласен, что познание истории своей страны – процесс бесконечный, но он должен объединять большинство населения, а не превращаться в судебный процесс, разъединяя общество на правых и виноватых. Уходит, разрушается «книжная культура», на ее место приходит «посткнижная» [Шугуров 2004], которая имеет совсем другие законы существования: читающий человек и человек, живущий в интернете и интернетом, – ментально разные люди.

Так или иначе, сам по себе факт победы в Великой Отечественной войне 1941–45 гг. уже не является явным интегрирующим инструментом, поддерживающим национальную систему ценностей. Выросло три новых поколения, не способных воспринимать эту победу так, как воспринимают ее представители старшего поколения. На общественной арене отсутствуют публичные авторитетные фигуры, способные отреагировать на вопросы молодежи. «Экология труб» не в состоянии стать инструментом культурной интеграции, эта «экология» способствует интеграции номенклатуры и ее сервис-класса на основе ценностей *элитарного* общества потребления. Это его экология, начинающаяся с домов-крепостей и вертолетных площадок, автономного жизнеобеспечения и мощной охраны и заканчивающаяся «силовым каркасом», стягивающем страну, причем, каркасом наднациональным – я имею в виду соглашения о взаимодействии национальных силовых структур в рамках ШОС. Экология природных ареалов и бассейнов сменилась экологией жестких каркасов и их ядер, для которых природа лишь один из потребительских ресурсов. Представляется, что значительная часть российской молодежи, включившись в глобальный контекст, оказалась более «продвинутой», чем власть предрешающие. А главное, она ищет и находит свои «круги», свои интегрирующие сообщества за пределами официальной системы в ее обеих ипостасях: консервативной и модернизационной.

В тапочках и с мобильником, но и с корнями

«Худощавое тело и готовность к движению, легкая одежда и теннисные туфли, сотовые телефоны (изобретенные для использования кочевником, который должен быть «постоянно в контакте»), портативные или одноразовые вещи – все это основные культурные символы эры мгновенности... Наступление мгновенности вводит человеческую культуру и этику на еще не нанесенную на карту и неизведанную территорию, где большинство приобретенных навыков решения жизненных проблем утратило свои полезность и смысл». Делать рациональный выбор в эту эпоху «означает стремиться к вознаграждению, избегая последствий, и особенно обязательств, которые могут подразумевать такие последствия» [Бауман 2008, с. 140].

Если бы все было так просто! В действительности эти культурные символы относятся даже не ко всему богатому большинству, а только к той его части, которая так или иначе связана с финансовыми и информационными потоками. А вот как быть со всеми теми, кто связан с территориально закрепленными ресурсами, за которые сегодня идет отчаянная борьба? Если оставаться в логике *liquid modernity* Баумана, то предполагается, что очень скоро может наступить момент, когда перемещаться будет просто некуда и незачем: или вся территория будет завалена отходами, загрязнена (надо же «избегать последствий») или ресурсы будут окончательно исчерпаны. Собственно говоря, это и случилось с частью богатого меньшинства, которая потеряла свои активы в результате нынешнего кризиса. В этой ситуации теннисные тапочки и мобильники здесь не помогут.

Но есть и более существенный вопрос. Бауман не раз писал, что богатые хотят, чтобы бедных «было бы поменьше» и жили бы они подальше от них (Бауман 2001, с. 201]. Как же характеризуется это нищее большинство, кто они: граждане-по-одиночке или люди, выпавшие из категории «гражданское общество»? В России «наши» и «не наши» люди, бесправные и занятые рабским трудом, кто они? Как этот феномен «рабского локализма» (социологи и на этот случай изобрели эвфемизм «экслюзия») соотносится с процессами глобализации, модернизации, информатизации?

Возражая этой идеологии «всеобщей безответственности», основанной на теории постмодернизма, У. Бек пишет о необходимости критической теории, которая бы изучала «противоречия, дилеммы, и невидимые и нежелательные (ненамеренные) побочные эффекты модернити, которые становятся все более космополитическими (глобальными)». И пока они, их сети и связи «запрятаны» в теле национальных государств, их тяжело обнаружить и с ними трудно бороться [Beck 2003, p. 55].

Если мы обратимся к российскому опыту, то обнаружим, что на протяжении последних 20 лет Запад, реализуя в Российской Федерации программу «семена демократии» (дословно: *sowing the seeds of democracy*), фактически осуществлял программу «вертикальной» глокализации, отбирая и финансируя только то, что отвечало его представлениям о надлежащем гражданском обществе. Снизу шел неиссякаемый поток инициатив (наивные россияне в своих заявках на гранты бесплатно отдавали западным фондам собственный интеллектуальный ресурс), но финансировались только те проекты, которые отвечали критериям названной выше программы. Западные идеологи насаждения демократии в России «выращивали» образцы, но не финансировали развитие сетей между ними и, тем более, политически ориентированные проекты. Западу нужны были образцовые «острова демократии», где исполнители действовали бы по предписанным извне правилам, то есть как можно точнее следовали заданному «алгоритму», однако этим воспроизводство их социального ресурса и ограничивалось. Но во враждебной экономической и политической среде без личного опыта борьбы с целью превращения этих локальных правил во всеобщие, более того – без выработки собственных правил игры, без прочных связей с себе подобными, большинство этих островов (так называемых модельных проектов), как и следовало ожидать, утонули в болоте бюрократизма, коррупции и жажды немедленного обогащения. Сами по себе

правильные социальные технологии защиты природы и социальной самоорганизации нежизнеспособны в чуждой и неподготовленной среде. Вспомним забытый лексикон советских лет: «внедрение», «толкачи». Болотные сапоги хороши только тогда, когда они являются принадлежностью активиста, борца. Всего лишь год-два назад активисты поняли, что их социальный капитал (ресурс) может накапливаться только ежедневной практикой борьбы за свои неотъемлемые права и сетевого взаимодействия с опорой на население. Какое именно?

Глобальное сетевое гражданское общество неизбежно

Итак, сконструированный усилиями власти-собственников организм, владея ключевыми источниками ресурсов самообеспечения, по большей части работает на воспроизводство собственной закрытой и изолированной от гражданского общества структуры. Для своего воссоздания именно в этом качестве он сконструировал систему сетей, которые, с одной стороны, защищают его, а с другой, разрушают прежнюю культурную основу, культурный код. Достаточно сказать, что в 2009 г. сохранение численности населения страны было достигнуто за счет притока гастарбайтеров. Решая свою единственную задачу – наращивание богатства – «экосистема богатых» вытесняет коренное население и меняет всю социальную географию страны. Из этого следует, что замкнутая на себя экосистема может в конечном счете стать вне- и наднациональной: ее сети превратятся в изолированные от общества, питающиеся ее ресурсами и охраняемые армией частных охранников, фактически наемников, а «места» (уникальные природные и культурные ландшафты) – во временные стойбища вахтовиков-кочевников. Это более чем «управляемый хаос», как иногда квалифицируют нашу ситуацию некоторые западные теоретики. Это жесткая транснациональная структура, пронизывающая рыхлый человеческий материал с низким социальным потенциалом. Когда-то был популярен образ СССР как стянутого железным обручем человека. Сегодня скорее это образ железной сетки, пронизывающей тело всей страны.

У атомизированного российского гражданского общества есть только один способ возрождения и сохранения своей идентичности: через самостоятельное создание собственных легальных сетей и их ядер. Это очень трудный путь борьбы за возвращение себе шаг за шагом когда-то обретенных гражданских прав и свобод, потому что поддержки ждать практически неоткуда. Внутри страны система «власти-собственности» сопротивляется этому всеми силами, а извне давят заинтересованные в наших ресурсах транснациональные корпорации и монополии.

Нам, социологам, часто говорят: «вы же видите, что население пассивно, не протестует, значит, его креативный потенциал исчерпан. Где же сегодня мощные социальные движения, подобные тем, которые были в конце 1980-х гг.?» Стереотипный ответ – «лояльность населения системе «власти-собственности» оплачена государством» – все же недостаточен. Во-первых, люди все время протестуют, карта страны покрыта флажками «точечных протестов», игнорируемых из-за отсутствия доступа к основным СМИ, в лучшем случае о них сообщают в телевизион-

ный прайм-тайм, когда «разруливать» ситуацию едет сам премьер-министр. К тому же система построена таким образом, что практически любой социальный протест может быть квалифицирован как экстремизм или насилие, или сопротивление органам правопорядка, что влечет за собой действия предупреждающего устрашения. Во-вторых, весь социальный потенциал движений эпохи перестройки переместился во властные структуры. Потом многие, разочаровавшись, ушли оттуда и стали спешно создавать структуры гражданского общества, но было уже поздно. В-третьих, власть сознательно не делает различий между акциями экстремизма и мирными демонстрациями. В этой ситуации отчасти виноваты российские социологи и политологи, практически исключившие из своих научных планов изучение социальных движений и объяснение широкой публике, что эти движения являются одной из составляющих процесса модернизации, тогда как весь западный научный мир занимается этой связью уже более 70 лет [Tilly 2004].

Наши ученые пошли на поводу политиков, законодательно лишивших публичной площадки любые формы инакомыслия. Но главное, конечно, в том, что социальные движения порождают общности людей, которые потом могут направить свою энергию на изменение существующей экосистемы. Митинги и перекрытие дорог – это лишь начальная форма проявления народного протеста. Сегодня в мире социальные движения профессиональны, достаточно организованы и выполняют множество функций: от образовательных до разработки проектов повестки дня будущего. С моей точки зрения, людей, действительно стремящихся модернизировать страну, надо искать именно в этой среде. Наши социологи почему-то забыли, что именно таким образом перестраивалась империя, называвшаяся Советским Союзом.

Но все же, где выход? Если мир глобализуется, то и гражданское общество тоже становится всеобъемлющим, и это единственная сила, на которую мы можем опереться, возрождая свое гражданское общество. Здесь не должно быть иллюзий: по мировым стандартам к гражданскому обществу помимо местных сообществ, инициативных групп и общественных движений относятся и частные корпорации, и политические партии, и группы по интересам, и малый бизнес. Мировой опыт показывает, что это единственно реальный путь упрочения российского гражданского общества. И чем сильнее будут его сети, тем оно будет устойчивее, тем больше пользы принесет обществу. А сумеет ли гражданское общество отстаивать национальные интересы, поддержать национальную буржуазию и российскую науку – и все это не во вред общему тренду глобализации – это уже его собственные проблемы.

Еще раз подчеркну: речь идет далеко не только об объединении образованных граждан. Как свидетельствуют проводимые Лондонской школой экономики и политических наук на протяжении 10 лет исследования под общим названием «Глобальное гражданское общество» (см., например, *Kaldor et al* 2003), в мире шаг за шагом объединяется та самая «эксклюзия»: этнические сообщества Латинской Америки, крестьяне и фермеры, мигранты и вынужденные переселенцы, бесправные и безработные, те «лишние» люди, которых Бауман некогда назвал «отходами навсегда» (*Bauman* 2004).

Вот, например, несколько конкретных проблем, которыми озабочены исследователи глобального города:

1) каковы возможные формы политико-гражданского объединения «неуспешных» (*disadvantaged*) в глобальных городах;

2) степень, в которой присутствие иммигрантских сообществ производит специфические транснациональные формы такого объединения, а также – какой должна быть эта степень, чтобы эти объединения позволили разобщенным группам иммигрантов ощущать себя глобальной диаспорой;

3) в какой степени доступ к новым масс-медиа, особенно интернету, позволяет другим группами (например, организациям бедных женщин) транснационализировать свои усилия;

4) каковы возможные формы взаимодействия между группами «неуспешных» и глобальной корпоративной властью;

5) какой вклад это множество активностей и связей вносят в денационализацию глобального города и способствуют формированию более глобальных форм сознания и представлений относительно таких понятий, как «членство» и «принадлежность»... [*Sassen 2003, p. 420*].

И это не только теоретические вопросы. Панельное исследование, проводившееся в 20 странах мира в течение 20 лет, выявило следующую закономерность: чем больше международных неправительственных экологических организаций работает в отдельно взятой стране, тем ниже уровень загрязнения ее вод [*Jorgenson 2009*]. Позитивным примером такой деятельности международных НПО на территории Российской Федерации является функционирование НПО «Лесной попечительский совет» (*Forest Stewardship Council*), успешно работающий в России более 5 лет и занимающийся добровольной сертификацией лесного бизнеса [*Яницкая 2008*].

Заключение

Идея Д. Стиглица о необходимости «демократизации глобализации» – не утопия, но она сама нуждается в ресурсах, важнейшим из которых остается развитие «умных» сетей глобального гражданского общества. Включение российских инициативных групп, общественных организаций и НПО в процесс формирования этого общества – основной путь их сохранения и укрепления как социальной и политической силы, наращивания интеллектуального потенциала этих ячеек и сетевого ресурса гражданского общества в целом. Это также путь реальной экономической и политической модернизации нашего общества и создания их необходимой теоретической и практической предпосылки – сдвига центра тяжести всякой деятельности от управления к регулированию и саморегулированию (*from government to governance*) на основе диалога и консенсуса власти и гражданского общества.

Вместе с тем, предлагаемый путь – не панацея. Рыночная экономика имеет свои цивилизационные пределы, иначе она перестанет быть таковой. Значит, борьба

между «транснационалами» и «локалами» (в широком понимании этих терминов), между интересами «сети» и «места», как предполагал Бауман, будет продолжаться. Рынок всегда будет стремиться купить и тех и других. Отсюда, единственный путь достижения базовых интересов гражданского общества – *борьба*. Борьба за сохранение смыслообразующего значения понятия «общее благо», за увеличение доли экспертов-граждан и их независимых профессиональных сообществ в научно-технических инновациях и процессах политической модернизации, в борьбе за относительную автономию гражданского общества от государства.

Другой вызов процессу укрепления глобального сетевого гражданского общества заключается в перманентно производимой им переоценке ценности территорий и биосферных ресурсов и, следовательно, изменении геополитических интересов и следующих за ними транснациональных производств и инфраструктур. Сегодня идет борьба за рынки углеводородов, завтра ее центр может переместиться в сферу доступа к чистой воде или ее промышленного производства, затем – в область космического пространства и т.д. Но не только монополии, но и сами люди будут производить такую переоценку. Сегодня большинство из них делают это в соответствии с ценностями общества потребления, но завтра этот тренд может измениться. Уже сейчас в центрах этого общества появились зоны и сети не только альтерглобализма, но нигилизма и варварства. Их представители, мобильные и соединенные тайными связями, с одинаковой злобой разрушают и исторические памятники, и тонкие нити дружеских человеческих связей. Замечу, что если специфика сетей и ресурсов теневого и криминального бизнеса социологами осмыслены и интерпретированы достаточно полно, то мотивы, сети и ресурсы современного массового варварства и вандализма необходимо еще изучать.

Наконец, параллельно с формированием глобального гражданского общества идет смена поколений. Каковы будут завтра ресурсы и сети сегодняшних «кнопочный детей», которые в очередной раз будут перестраивать это общество, еще только предстоит выяснить.

Что касается отношения «наука–практика», точнее, «наука–гражданское общество», то старая (вертикальная) парадигма «наука–практике» социологического исследования постепенно вытесняется парадигмой «партнерского» анализа, когда ригоризм строгой научной аналитики сверху соединяется с локальным восприятием-знанием-действием снизу. Все чаще исследовательский процесс движется по схеме: «включенное наблюдение – соучаствующее исследование – отстраненная рефлексия», а совокупное производство социального знания все более становится социально-политической практикой, нежели изготовлением «научных фактов». Или, иначе, неполитической политикой. Глокальность такой политики (центрированность на «месте») становится условием существования демократии в современном мире.

Сегодня социолог не может быть только дистанцированным наблюдателем, занимающимся эмпирическим тестированием собственных или заимствованных гипотез. Тем более, он не может удовлетвориться только измерениями «объекта», например, структуры общественного мнения, степени напряженности конфликта или реакции на загрязнение среды. Сегодня задача социолога на порядок сложнее: он должен быть одновременно аутсайдером и инсайдером, способным понять

организованный мир значений, который конституирует социальные миры «мест» и их социальный порядок. В такой ситуации социолог есть именно соучаствующий исследователь (*participative researcher*), а не отстраненный наблюдатель. Понимание того, что социальное знание вырабатывается в ходе дискурсивного процесса, стремление вникнуть в механизмы восприятия и логику действий другой стороны, сочувствие по отношению к местному населению, выявление смысловых доминант (их можно назвать главными фреймами) и только потом организация соучаствующего исследования – такова общая последовательность шагов учено-гуманитария, опирающегося на модель культурной рациональности. Надеюсь, что в результате взаимодействия обеих сторон возродится, хотя и в иной форме, этическая норма российской науки XIX века: она должна быть полезной и нужной людям.

Литература

- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004.
- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Иноземцев В.Л. Печальное знание // Ведомости. 25.09.2009. С. А04.
- Кузьминов Я.И. Вузы после ЕГЭ // Ведомости. 09.09.2009. С. А04.
- Шугуров М.В. Новая идентичность. Человек и власть в пространстве посткнижной культуры // Свободная мысль. 2004. XXI. № 3. с. 105–129.
- Яницкая Т.О. Практическое руководство по выделению лесов высокой природоохранной ценности в России. М.: Всемирный фонд дикой природы, 2008.
- Яницкий О.Н. Производство социально-экологического знания. Политический и культурный аспект // Общественные науки и современность. 2006. № 6. с. 138–147.
- Bauman Z. Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, UK: Polity Press, 2004.
- Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: Sage, 1992.
- Beck U. The Analysis of Global Inequality: From National to Cosmopolitan Perspective, in Kaldor et al. eds., 2003. p. 45–57.
- Burstein P., Einwohner R. L., Hollander J. A. The Success of Political Movements: A Bargaining Perspective, in J. C. Jenkins and B. Klandermans (eds). The Politics of Social Protest Minneapolis, MN: London: Univ. of Minnesota Press/UCL, 1996. p. 275–291.
- Irwin A. Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge. Malden, MA: Polity, 2001.
- Irwin A. and Wynne B., eds. Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Kaldor M., Anheier H., Glasius M., eds. Global Civil Society Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Edelman M. Transnational Peasant and Farmer Movement and Networks, in Kaldor et al., eds., 2003, p. 185–220.
- Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. London: Constable, 1919.
- Obama's Plan to Stimulate the Economy. 2009. Official Site of Barack Obama: <http://www.barackobama.com/>
- Olsen Th. International Zapatismo. The Construction of Solidarity in the Age of Globalization. London: Zed Books, 2005.
- Sassen S. Global Cities and Diasporic Networks, in Kaldor et al., eds., 2003. p. 420–422.

Tilly Ch. Social Movements, 1768–2004. L.: Paradigm Publisher, 2004.

White H. Identity and Control: How Social formations Emerge. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

Yanitsky O. The Environmental Movement in a Hostile Context. The Case of Russia // *International Sociology*, 1999. 14 (2). p. 157–172.

Yanitsky O. The Shift of Environmental Debates in Russia // *Current Sociology* 2009. 57 (6). p. 747–766.